

ЮЖНОРУССКІЕ ГОСПОДАРСКІЕ ЗАМКИ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

М. Грушевскаго.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира.

Вѣдское отдѣленіе ВМСОЧАПШЕ утвержд. Ч.-на печати дѣла и торг, П. Н. Кушнерова и К^о въ Москвѣ

1890.

ЮЖНОРУССКІЕ ГОСПОДАРСКІЕ ЗАМКИ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Исторія Южной Руси есть вмѣстѣ, можно сказать, исторія борьбы осѣдлаго населенія со степнымъ, кочевымъ; борьба эта велась непрерывно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, и результаты ея выражались въ постоянномъ колебаніи границы осѣдлыхъ поселеній: ослабѣвала Русь, усиливались кочевники—и порубежная полоса пустѣла, осѣдлыя поселенія отодвигались на сѣверъ; наоборотъ, усиливалась Русь, ослабѣвали тюрки—и осѣдлое населеніе двигалось на югъ, отхватывая степныя пространства подъ пастбища и нивы. Уже на памяти исторіи южная русская граница претерпѣла нѣсколько такихъ, весьма рѣзкихъ, колебаній: граница, напримѣръ, Кіевской земли, о которой мы больше имѣемъ извѣстій, то отодвигалась къ теченію рѣки Стугны, то переходила за р. Рось, въ бассейны Буга и нижняго Днѣпра. Эта борьба культурнаго населенія съ полудикою степью, которая велась съ чрезвычайнымъ напряженіемъ народныхъ силъ и удивительною стойкостью со стороны Руси, тяжело отражалась на политическомъ и культурномъ развитіи ея, но составляетъ ея великую культурную заслугу и исторія этой борьбы имѣетъ глубокой интересъ.

Колонизаціонное движеніе Руси, которое было ближайшимъ обра-

Примѣчаніе. Настоящая тема была предложена проф. В. В. Антоновичемъ въ осеннемъ полугодіи 1887 г., послѣ того какъ на практическихъ занятіяхъ были прочтены и объяснены нѣкоторыя описи южнорусскихъ замковъ; тогда же была написана и предлагаемая работа—теперь она является въ нѣсколько переработанномъ видѣ. При составленіи ея я пользовался также указаніями и объясненіями В. В. Антоновича, которому припшю искреннюю благодарность.

зомъ связано съ этою борьбою, имѣло двойкій характеръ: то оно происходило по инициативѣ и средствами самого населенія, то по почину правительства; наши извѣстія за болѣе древнія эпохи преимущественно относятся къ этой послѣдней, официальной колонизаціи, которая выражалась главнымъ образомъ въ созиданіи передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и заселеніи ихъ насельниками изъ внутреннихъ областей или иноплеменниками. Одинъ изъ моментовъ въ исторіи такой правительственной колонизаціи имѣетъ предметомъ и настоящій очеркъ—именно середину XVI в., отъ которой сохранились обстоятельныя официальныя данныя. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу, я остановлюсь нѣсколько на состояніи колонизаціи Южной Руси въ ту эпоху. Эпоха утвержденія литовскаго верховенства въ южнорусскихъ земляхъ совпадаетъ съ весьма энергичнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ Руси въ степь; обстоятельства благоприятствовали этому: съ одной стороны, литовское верховенство, не внося, особенно на первыхъ порахъ, никакихъ особенныхъ измѣненій въ строй русской жизни, принесло ту выгоду, что объединило снова южнорусскія земли и возстановило въ нихъ центральную правительственную власть, которой нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. земля Кіевская, были, по видимому, лишены вовсе; съ другой стороны, татарская Орда въ это время ослабѣла, разлагалась, и отъ нея нельзя было ожидать серьезныхъ препятствій движенію Руси въ степь. Благодаря этому колонизація, съ сильнымъ и дѣятельнымъ участіемъ правительства, идетъ чрезвычайно энергично; въ концѣ XIV и началѣ XV в. является цѣлый рядъ городовъ на южно-русской окраинѣ, неизвѣстныхъ ранѣе, какъ Черкасы, Звенигородъ, Дашевъ, Чудновъ, Винница, Браславль, Хмельникъ, Летичовъ и др.; въ составъ Русско-литовскаго государства входили земли до Чернаго моря и Витовтъ обнаруживаетъ намѣреніе стать твердою ногою на его берегахъ¹⁾.

Эта дѣятельная колонизація встрѣтила однако сильное препятствіе въ видѣ татарскихъ набѣговъ и опустошеній; набѣги, предпринятые на Южную Русь знаменитымъ Эдигеемъ (Идикою) послѣ пораженія Витовта на Ворсклѣ, были какъ бы зловѣщимъ предзнаме-

¹⁾ См. предисловіе М. Ф. Владимірскаго-Буднова къ актажъ о колонизаціи, Архивъ Ю.-Зап. Россіи ч. VII. т. I. с. 55 сл., также Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ г. Молчановскаго с. 294 сл.

нованіемъ послѣдующаго. Политика Витовта, который вмѣшивался во внутреннія дѣла Золотой Орды и проводилъ на ханство своихъ кандидатовъ, а потомъ поддерживалъ дружескія сношенія съ Хаджи Гиреемъ, основателемъ независимаго Крымскаго ханства, парализовала въ нѣкоторой мѣрѣ татарскую грозу, но обстоятельства измѣнились совершенно, когда сынъ Хаджи Гирея Менгли Гирей, „Мынгерый царь“, призналъ падъ собою верховенство султана и вошелъ въ дружественныя сношенія съ враждебнымъ Литвѣ государствомъ Московскимъ. Начинается рядъ опустошительныхъ вторженій въ Южную Русь: въ 1478 году татары разоряютъ Браславъ, въ 1482—Кіевъ, причемъ воевода Иванъ Ходкевичъ былъ угнанъ въ плѣнъ, гдѣ и умеръ, въ 1495 разоренъ Владиміръ-Волинскій, затѣмъ, вторично, — Браславъ, въ 1498—Черниговъ ¹⁾; татары проникаютъ за Припять, заходятъ даже въ области коренной Литвы. Эти опустошительныя вторженія Менгли Гирея страшно отразились на состояніи Южной Руси, страшнѣе, можетъ быть, чѣмъ само нашествіе Батыево. Города, замки были разрушены, нѣкоторые города послѣ этого исчезли навсегда, населеніе разсѣялось ²⁾. Сѣверная полоса Южной Руси оправилась еще довольно скоро, хотя населеніе находилось въ постоянномъ страхѣ татарскихъ набѣговъ ³⁾, но южная степная полоса въ собственномъ смыслѣ заустѣла на долгое время.

Въ XVI-мъ вѣкѣ, несмотря на частыя татарскіе набѣги, начинается новое медленное движеніе въ степь и завоеваніе ея для осѣдлой жизни. Первыми базисами ея служили возобновленные государствен-

¹⁾ См. Исслѣдованіе о крестьянахъ г. Новичаго (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VI. т. I. стр. 40); значительныя татарскіе набѣги затѣмъ указываются подъ годами: 1516, 1532, 1537, 1538, 1550, 1556, 1558, 1566, 1593.

²⁾ Вотъ нѣсколько иллюстрирующихъ отрывковъ изъ документовъ: въ 1495 г. мѣщане Володимірскіе жаловались королю «штожь скажоны суть отъ поганства, и тыми разы голодъ въ плхъ великій». Владыка, князья, папове и земляе волыскіе повѣдали, «штожь вси мѣнья ихъ велии скажоны и обраны отъ татаръ» (1503 г.). «Вбли намъ чоловъ вси землице Браславскіи о томъ, штожь мѣнья ихъ опустошены и на корень скажоны отъ неприятели» (1507 г.) Акты Зап. Рос. I, № 124, 201, II № 26. Кременецкая округа «колко десять лѣтъ впустѣ лежала» по заявленію обывателей, см. Опись Кременецкаго замка въ Памятникахъ изд. Кіевск. ком. т. IV, отдѣлъ II. с. 216; эта опись и нѣкоторыя другія изданы пока въ латинской транскрипціи, слѣдую пріятру ученыхъ, пользовавшихся ими, и цитую эти описи въ русской транскрипціи.

³⁾ Волыское дворянство жалуется, напримѣръ, въ 1545 г.: будь есть або не есть переяріе съ татари, тогда предя съ коня мало зсѣдаемъ. Памяти. Кіев. ком. IV. 2. 61.

ные— „господарскіе“ замки, небольшія укрѣпленія, около которыхъ постепенно осаживается полувоенное, полугосподарское и промышленное населеніе. Оно группируется первоначально около самаго замка, готовое укрыться въ его стѣны при первой вѣсти о приближеніи врага; описи замковъ половины XVI-го в. даютъ нѣсколько указаній въ такомъ смыслѣ: въ Черкасскомъ повѣтѣ нѣтъ ни одного поселенія, кромѣ города, лежащаго при замкѣ; въ Каневскомъ хотя на нѣсколькихъ (6) урочищахъ считается крестьянское населеніе, но всѣ эти хлѣбопашцы и промышленники „зимуютъ и литуютъ при замку“¹⁾, тоже было въ повѣтахъ Житомирскомъ и Остерскомъ²⁾. Такимъ образомъ на первыхъ порахъ замки являлись чрезвычайно важнымъ средствомъ колонизаціи страны, составляя какъ бы узлы, которыми болѣе или менѣе прочно привязывалось населеніе къ территоріи повѣта и удерживалось отъ конечнаго разсѣянія. Но такую роль замокъ могъ играть, конечно, только относительно небольшой округи: при внезапныхъ и быстрыхъ набѣгахъ лишь ближніе жители могли поспѣть въ замокъ; при незначительныхъ размѣрахъ онъ могъ вмѣстить только небольшое количество населенія съ его пожитками³⁾. Поэтому старыя „господарскіе“ замки, по одному на цѣлый обширный повѣтъ, могли удовлетворять нуждамъ населенія только на самыхъ первыхъ порахъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ колонизаціи необходимы были новыя укрѣпленія, новые опорные пункты для населенія, которое вообще дорожило ими⁴⁾. Ими обзаводятся значительныя землевладѣльцы, возникающіе города. Къ концу XVI-го вѣка вся Южная Русь была заставлена подобными укрѣпленіями.

1) Описи Черкаскаго и Каневскаго замковъ въ ч. VII. т. I. Ар. Ю.-З. Россіи.

2) Въ 1544 г. земліе Житомирскіе освобождаются отъ повинностей, такъ какъ они «для поганства татаръ по селцямъ своимъ пахати не сміють». Въ 1522: вси земляе и люди ихъ вси, хотя увъ селахъ мешкають, а предя для пополоху татаръ лѣтъ а зими уставичне в домохъ в мѣстѣ живутъ. Архивъ Ю.-З. Р. VII. 1. 131, 151. Относительно Остерскаго повѣта смотри любопытное замѣчаніе на ст. 595: захвали на замокъ у трехъ мнляхъ на поли у Столпцы, а тыхъ часовъ пашпа тамъ опущоца за неспокоюмъ отъ татаръ.

3) Какъ быстро пужи было поспѣвать въ замокъ, видно изъ слѣд. напр.: въ Браславѣ приходится взбираться въ замокъ вслѣдствіе крутизны окольною дорогою «яко бы великая четверть мли... не могутъ ся такъ далеко люди зъ статки своимъ поспышты и сами въ руки неприятеля увойдутъ. (Арх. VI. I. 20).

4) См. цитату изъ переписки Стаписл. Жолкевскаго въ изслѣдованіи г. Новицкаго (Архивъ Ю.-З. Р. VI. I. 39): Хорошо сдѣлаешь ваша милость, если пришлешь въ Шаргородъ оружія, особенно гаковницъ штукъ сто, или и больше, такъ какъ простопародіе виднѣтъ въ этомъ важнѣйшій залогъ своей безопасности, зато оно и станеть селиться гораздо быстрее.

Правительство сознавало ихъ необходимость, очень цѣнило ихъ, особенно потому, что они затрудняли вторженія татарь,—раздавая привилегіи на осаженье городовъ и разныя льготы, оно не рѣдко упоминаетъ, какъ мотивъ, что эти города осѣдаютъ „на шляхахъ, на переправахъ татарскихъ, на самомъ приворотѣ отъ дикихъ полъ Бѣлогородскихъ“, „куда тотъ непріятель звыкъ въ панства наши входити и шкоды великіе чинити, на которомъ гды бы ся твердза збудовала и место засадыло, мѣло бы то быть зъ добромъ всее речи посполитое и зъ покоемъ оныхъ краевъ“¹⁾. Но на себя принимать постройку и содержаніе новыхъ замковъ правительство избѣгало, предоставляло это населенію. Сооруженіе этихъ укрѣпленій шло по-этому, можно сказать, не впереди колонизаціи, а одновременно съ нею или позади ея. Въ степной полосѣ они являются въ значительномъ числѣ лишь во 2-ой половинѣ XVI-го в., съ умноженіемъ населенія, которое привлекали сюда естественныя богатства и льготная жизнь, заставлявшія забывать страхъ опустошеній и осѣдать на самихъ „шляхахъ татарскихъ“. Въ первой же половинѣ XVI-го в. во многихъ южныхъ старостахъ повѣтовые господарскіе замки остаются единственными укрѣпленіями и оплотами населенія.

Отъ середины XVI в. до насъ дошли обстоятельныя описанія южно-русскихъ „господарскихъ“ замковъ, составленныя правительственными ревизорами въ 1545 и 1552 г.; доселѣ изданныя описанія заключаютъ въ себѣ слѣдующіе замки: Владимірскій (опись 1545 г.), Луцкій (описи 1545 и 1552 г.), Кременецкій (1545), Винницкій (1545 и 1552 г.), Браславскій (1545), Житомирскій (1545 и 1552), Овруцкій, Мозырскій²⁾, Черныбыльскій, Кіевскій, Каневскій, Черкасскій и Остерскій—послѣдніе описаны всѣ въ 1552 г.; въ цѣломъ эти описи обнимаютъ такимъ образомъ почти всю населенную южнорусскую территорію, входившую тогда въ составъ Русско-литовскаго государства³⁾. Описи эти составляютъ драгоцѣнный

1) Подобный мотивъ приводится, напримѣръ, въ грамотахъ на заселеніе Брусилова (1574), Корсуля (1585), Василькова (1586), Чигирина (1589), Выкова (1605), Крылова (1616), Лыслики (1622). Арх. Ю.-З. Р. ч. V т. I. № 22, 24, 35. Акты Зап. Р. Ш. № 148, 162. Акты Южн. и Зап. Россіи II. № 18. Антоповичъ. Монографіи т. I, стр. 157.

2) Мозырь также принадлежалъ иѣкогда къ Кіевской землѣ—см. для XII в. Ипатьев. лѣтопись с. 341; въ Литовскій періодъ Мозырскій повѣтъ, равно какъ и Остерскій, входилъ въ составъ Кіевскаго княжества и поеводства, см. Монографіи В. В. Антоповича, т. I, с. 245.

3) «Пописъ замковъ» 1545 года изданъ весь Алекс. Яблоповскимъ—*Źródła dziejowe*, t. VI. Warsz. 1877, съ приложеніемъ очерка состоянія Волини въ половинѣ XVI в. Изъ этого «По

источникъ для изученія администраціи, юридическаго и экономическаго быта страны и съ этой стороны онѣ не разъ были изслѣдуемы учеными. Я же въ настоящемъ очеркѣ постараюсь сгруппировать представляемыя ими данныя относительно устройства „господарскихъ“ замковъ на протяженіи Южной Руси, ихъ состоянія и средствъ обороны, присоединяя по временамъ также данныя нѣкоторыхъ другихъ современныхъ источниковъ. Подобнаго общаго обзора, насколько мнѣ извѣстно, пока не существуетъ ¹⁾, между тѣмъ вопросъ этотъ не лишенъ интереса: половина описанныхъ замковъ имѣли важное колонизаціонное значеніе, остальные замки — волынскіе и сѣверные—хоть и не имѣли для населенія такого значенія, какъ южные, потому что эти повѣты рѣже подвергались татарскимъ вторженіямъ и на ряду съ государственными замками имѣли и частныя укрѣпленія, тѣмъ не менѣе устройство и состояніе этихъ государственныхъ крѣпостей также имѣютъ значеніе въ ряду другихъ сторонъ земскаго строя Южной Руси.

Нѣсколько словъ о самыхъ ревизіяхъ замковъ. Въ началѣ правленія Сигизмунда Августа было обращено особенное вниманіе на состояніе замковъ. Тотчасъ послѣ Брестскаго сейма 1544-го г. была наряжена коммиссія для описанія замковъ Литвы и Украины. Въ началѣ 1545-го (или концѣ 1544-го) на Волынь посылается на ревизію

писца» въ Памятникахъ изд. Кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ т. IV напечатаны описи замковъ Владимірскаго, Луцкаго и Кременецкаго, въ Архивѣ Юго-Западн. Россіи ч. VI. т. I—Браславскаго, въ ч. VII. т. I—Житомирскаго—они извлечены были изъ южно-русскихъ актовыхъ книгъ; не достаетъ только описи Винницкаго замка (1545 г.). Описи 1552 г. напечатаны всѣ въ ч. VIII. т. I Архива, исключая описи Овручскаго замка, изданной въ ч. IV, т. I,—последняя также относится къ 1552 г., хотя и помѣчена 1545-мъ: это доказываетъ ея форма, тождественная съ формою остальныхъ описей этого года; староста Халецкій, при которомъ происходила опись, держалъ замокъ и въ 1552 г. Нѣкоторые описи пока еще не отысканы, такъ въ грамотѣ короля Станислава Августа г. Браславу 1792 г. приводится экстрактъ описи Браславскаго замка 1552 г. (Архивъ Ю.-Зап. Р. ч. V, т. I, с. 533).

1) Описанія отдѣльныхъ замковъ приводились и раньше въ монографіяхъ, посвященныхъ той или другой землѣ: такъ описаніе Кіевского замка приведено въ монографіи В. В. Антоновича: Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI в., въ «Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ» г. Молчаковского описывается устройство замковъ Браславскаго и Винницкаго, г. Яблоновскій въ своемъ вступительномъ очеркѣ приводитъ свѣдѣнія описей 1545-го г. о состояніи замковъ, описанныхъ въ эту ревизію, и под. Небольшой общій очеркъ устройства замковъ данъ въ статьѣ пр. Бершадскаго: Авраамъ Езофовичъ, Кіевск. Стар. 1888. X. с. 81.

господарскій дякъ (секретарь) Левъ Патей (или Патіевичъ) Тышкѣвичъ¹⁾. Въ грамотѣ волинскому дворянству король объясняетъ эту ревизію полученными имъ свѣдѣніями, что замки находятся въ упадкѣ, натуральныя повинности населеніемъ не исполняются; что земляне, выслуживъ земли и людей „яко оныхъ замковъ будувати, такъ и мостовъ робити и подводъ и стапей давати, такъ и иныхъ стародавнихъ повинностей земскихъ полнити не хочуть“²⁾. Патей былъ во Владимірѣ и Луцкѣ, но инструкцій королевскихъ выполнить не могъ: дворяне всячески уклонялись отъ сообщенія необходимыхъ свѣдѣній, отговаривались тѣмъ, что старосты и знатные паны были въ отсутствіи, на сеймѣ Виленскомъ. Вслѣдствіе этой неудачи Патей, какъ видно, по остальнымъ замкамъ не поѣхалъ. Въ своемъ донесеніи онъ напомнилъ еще объ одномъ злоупотребленіи: незаконномъ учрежденіи въ частныхъ владѣніяхъ таможенъ и мытъ; на это обращалъ вниманіе уже Сигизмундъ Старый³⁾.

Спустя нѣкоторое время король отправляетъ новаго ревизора— Юрія Фальчевскаго, бискупа Луцкаго; ему было поручено осмотрѣть замки, привести въ извѣстность земскія повинности, провѣрить права владѣльцевъ на имѣнія и проч.; необходимыя мѣры къ прекращенію злоупотребленій предоставлялось ему принять на мѣстѣ. Въ мѣстѣ съ бискупомъ былъ посланъ опять и Левъ Патей. Но и послышка бискупа не принесла особыхъ результатовъ. Дворяне всячески уклоняются отъ ревизіи, сѣзжаются медленно, нѣкоторые знатнѣйшіе не являются вовсе, хотя были оповѣщены; особенно, какъ видно, непріятна была ревизія документовъ на владѣнье: факты захвата частныхъ и государственныхъ имуществъ, приводимые описями, вполне объясняютъ эту уклончивость⁴⁾. Во Владимірѣ дворяне обѣщаютъ представить документы на общемъ сѣздѣ въ Луцкѣ, куда соберется „старшая братія“, гдѣ хранится земская привилегія Волинской земли, а въ Луцкѣ на об-

1) Ему было поручено осмотрѣть замки: Луцкій, Владимірскій, Кременецкій, Браславскій, Винацкій и Житомирскій, см. Памятники IV. 2. с. 6 сл. *Żródła* p. 1 sq.

2) Памятники т. IV. 2. 7. *Żródła* p. 3.

3) Памятники, IV. 2. 8. Объ этомъ первомъ «попису» Патей упоминаетъ см. на стр. 70.

4) Вотъ рѣзкій примѣръ подобныхъ захватовъ: староста Владимірскій, получилъ Турейскій замокъ, «варядилъ петнацеть селъ къ нему, землянъ скривдивши. А иныи села, которыи мѣли спадкомъ прійти на господара, тыи собѣ привлацилъ, скупилъ 12 мѣшкѣи, прятѣсивъ владѣльцевъ, присвоилъ три выморочныхъ мѣшкѣи, отданныхъ ему въ управленіе и проч. *Ibid.* 182—83.

щемъ совѣтѣ составляютъ грубый отвѣтъ ревизорамъ и заявляютъ уже: „если будетъ земля Кіевская, земля Полоцкая, земля Витебская, земля Жомойтская, а къ тому тежъ вси повѣты Подляскіи будутъ привилія свои класти передъ Его Млтію, тогда и мы наименшии слуги Его Млти привилія свои положимъ“, а что касается имѣній „мы сами и предки наши у Господара Его Млти не украли, бо маемъ старосты надъ собою, яко въ Луцку, такъ въ Володымери, естли бы смѣлъ того ся кусити, а господарского имѣніе украсти мѣлъ, тогда бы старостове зъ горла въ насъ то выдрали“¹⁾. Отпоръ, который далъ этому заявленію Фальчевскій, и переговоры его съ знатнѣйшими князьями и панами заставили дворянъ замѣнить рѣзкій отвѣтъ болѣе вѣжливымъ, но никакихъ дѣйствительныхъ результатовъ не дали. Дворяне грамотъ не представили, за то жаловались на притѣсненія урядниковъ, на безпокойство отъ татаръ, на побѣги крестьянъ, которые „за границу лядскую втекають и по волямъ князскимъ и панскимъ, которые здесѣ на Волыни естъ, разходятъ“, а относительно мытъ заявили наконецъ, что обогащеніе дворянства полезно и для государства и для края: „еще естъ зъ большею славою и обороною тое земли и съ пожиточнымъ скарбу господарского, изъ ся тое панство и мы подданныи Его Млти ширимъ и множимъ“²⁾. Ревизоръ замѣчаетъ, что дворянство дѣйствовало при этомъ единодушно, общимъ совѣтомъ, проникнутое сознаниемъ своихъ сословныхъ интересовъ³⁾. Показанія о доходахъ урядники давали также неохотно, утаивали многое; приходилось обращаться къ обывателямъ. Словомъ результаты ревизіи были неудовлетворительны. Эта ли неудача, или болѣзнь епископа, на которую онъ жаловался во время ревизіи, была причиною, — только дальнѣйшая ревизія была ведена однимъ Патеємъ. Онъ послѣдовательно посѣтилъ Кременецъ, Винницу, Браславъ и Житомиръ. Въ Кременецѣ онъ опять напрасно ждетъ сѣзда всего мѣстнаго дворянства; даже городничій, „который былъ повиннѣйшій быти“... „ни самъ не былъ, а ни рейстровъ sprawy свое дати не хотѣлъ“⁴⁾. Въ Брацлавѣ отъ представленія документовъ, „твердостей“, отгова-

¹⁾ Памяти. IV. 2. 48—49. Źródła p. 23—24.

²⁾ Памяти. с. 134.

³⁾ То естъ всѣхъ ихъ одностольная порода и змова, яко старшихъ, такъ и менчихъ. Памятшки IV. 2. с. 64.

⁴⁾ Памяти. IV. 2. 195, 197—198.

ривались тѣмъ, что документовъ при себѣ не держатъ вслѣдствіе татарскихъ разореній, а сохраняютъ въ Каменцѣ, Острогѣ.

Вся ревизія заняла около 3 мѣсяцевъ. Свой капитальный „попись“ замковъ Патей заканчиваетъ желаньемъ, чтобы король и Рада милостиво приняли его трудъ и извинили его, если онъ что „открыте а нестыдливе писалъ и ясне объявилъ“. „Вчиниломъ то не про жадный помятокъ и хвалу мою, але напредъ зъ науки Писма Святого, а потомъ зъ розказанія господарского“¹⁾.

Спустя шесть лѣтъ, въ началѣ 1552-го г. происходитъ новая ревизія и описаніе замковъ; отъ нея мы имѣемъ описи замковъ: Лудкаго, Винницкаго, Житомирскаго, Овручскаго, Мозырскаго, Чернобыльскаго, Кіевскаго, Каневскаго, Черкаскаго и Остерскаго; причины и обстоятельства ревизій ближе намъ не извѣстны. Эти послѣднія описи и по содержанію, и по формѣ рѣзко отлпчаются отъ предыдущихъ. Описи 1545-го г. составляютъ цѣльное связное изложеніе ревизіи; данныя о положеніи замковъ переплетаются съ частными эпизодами, приводятся переговоры, жалобы, документы—все это даетъ много цѣнныхъ бытовыхъ чертъ. Описи 1552-го г. представляютъ сухіе отвѣты на вопросы одной и той же программы; уступая описямъ 1545-го г. въ обиліи бытовыхъ чертъ, онѣ превосходятъ ихъ точностью и обиліемъ свѣденій относительно администраціи, финансовъ и проч. Перейдемъ къ вопросу.

Начнемъ съ внѣшняго вида и устройства замка. При сооруженіи его важную роль, конечно, играла мѣстность—желательно было, чтобы замокъ стоялъ на горѣ по возможности высокой, недоступной, господствующей надъ остальною мѣстностью, по близости воды. Вотъ какъ описываетъ дьякъ Патей „мѣсто на замокъ вельми годное и подобное“: „лука одна межи Богу якобы шыєю протягнулася и одъ сее и одъ тое стороны рѣка ее обшла, толко пятьдесятъ сожонъ вшырки рѣка одъ рѣки найшла. П въ той луцѣ вчинивши копецъ и занемши ставъ на Богу, и на той шыи рова два або три може быть справивши, замокъ вельми твердый будетъ, которого ни

1) Архивъ, ч. VII. I. 139. Źródła dz. p. 133—134.

подкопать, а ни зъ дѣль (пушекъ) на него стрѣляти ото всихъ сторонъ не можетъ, и на призданіе мѣста мѣстцо есть вельми по-гожее, ровное, не такъ яко теперешное, ижъ замокъ мѣста не всего видить, а мѣсто замку“¹⁾. Подобныя требованія конечно не всегда осуществлялись: замковая гора иногда оказывается невысокою, отлогою; подлѣ замковой горы оказывается иногда другая гора такой же вышины, а то и выше; Кіевская замковая гора съ трехъ сторонъ окружена такими горами²⁾; ревизоры рекомендовали повышать замковую гору въ такихъ случаяхъ. А то по близости бывають иногда разные старые валы, городнища, строенія, ямы, „гдѣ можетъ колько чело-вѣковъ скрывшися на замокъ съ тихъ ямъ штурмовати“. Отъ оснований совѣтовали укрѣплять горы „тамованнемъ“, т. е. досчатыми или плетеными заборами; плетнемъ укрѣпляли иногда и рѣчной берегъ³⁾. Неблагопріятныя условія заставляли подчасъ переносить замки, что не требовало большого труда и издержекъ при тогдашнемъ способѣ постройки; такъ переносится замокъ Винницкій, а Остерскій даже нѣсколько разъ: разъ потому, что рѣка отошла отъ замка, другой — потому что стала размывать сильно гору; пробовали перенести замокъ Черкасскій, но городское населеніе отказалось переселяться, находя небезопаснымъ удалиться отъ Днѣпра⁴⁾. Отъ города, который обыкновенно строился въ нѣкоторомъ разстояніи, замки отдѣлялись иногда глубокими рвами, черезъ которые вели подъемныя мосты.

1) *Źródła dz. t. VI. 111.*

2) Архивъ VII. I. 92, 107, 600 (Винница). Одну изъ Кіевскихъ горъ—Удмичальницю искусственно понизили впоследствии на «полшоста сажня добрыхъ», см. Кіевскую лѣтопись въ «Сборникѣ лѣтописей Южн. и Зап. Р.» с. 84—85.

3) Архивъ VII. I. 156 (Луцкъ).

4) Акты Ю. З. Р. II. № 132. Архивъ VII. I. 91, 341—2. Кстатц, относительно Остра въ ученую литературу проникло неточное извѣстіе или, точнѣе сказать, неточная дата. Н. П. Дашкевичъ въ свихъ «Замѣткахъ по исторіи Литовско-Русскаго государства» (с. 57) опубликовалъ выписку, находящуюся въ т. и. Межигорской рукописи («Лѣтописи Волыни и Оукраины») библиотеки Института Осоловскихъ и занесенную туда рукою извѣстнаго Вѣлѣвскаго изъ «лѣтописца, находящагося при польскомъ переводѣ Нестора»; она заключается въ слѣдующемъ: Anno 1333. Albracht Gastoldus Palatinus Vilmensis fundavit arcem et monasterium inter Kijoviam et Czernichoviam super fluvium Ostr extra Boristhenem et Desnam fluvios in bonis suis hereditariis, et tradidit villas: Wypołczow, Philipowszczyzna, Jestaminka, Krochajew, Bodenkowicze, Zuwin, Czerwin, Zowłyńszczyzna, Prorokowszczyzna, et circa monasterium ac arcem oppidum Ostr, ac stagna: in Czerwin stagnum ex Boristhene toni dwie, iu Chodenkowicze stagnum ex Desna, toni dwie, in Krochajew stagnum ex Desna tonia jedna, in Jalmunka stagnum ex Desna toni dwie, et stagnum civitatense ex Desna tonia jedna. Cum vero illud cum arce monasterium

Строятся замки обыкновенно изъ дерева. Два только изъ разсматриваемыхъ замковъ имѣли каменные стѣны—Луцкъ и Кременецъ. Луцкъ, „словутній и столечній замокъ“, бывший одно время столицею Волыни, обязанъ былъ каменнымъ замкомъ этому своему положенію; его началъ строить Любарть Гедиминовичъ, а окончили Свитригайло¹⁾. Постройку каменнаго Кременецкаго замка надо, быть можетъ, объяснить тѣмъ, что окрестности Кременца изобиловали камнемъ, а лѣсъ приходилось возить миль за 6—8²⁾. Размѣры нѣкоторыхъ замковъ (Кіевскаго, Владимірскаго, Кременецкаго) описями не указаны, изъ извѣстныхъ самими большими были: Житомирскій— 62×55 сажень, Луцкій—собственно замокъ $54,5 \times 48$, а „пригородокъ“ или окольный замокъ— 75×128 , Мозырскій замокъ— 63×28 , окольный замокъ 169 сажень въ окружности; самый маленькій—Чернобыльскій (22×17)³⁾.

Стѣны рубились изъ брусевъ—сосновыхъ, рѣже дубовыхъ, отдѣльными срубами, которые назывались городнями, длина послѣднихъ бывала

subverterent Tartari, non est amplius reddificatum: unde Sigismundus Augustus arcem solam reddificavit et primum Capitaneum Ostrensem Constantinum Ratomski instituit. Самъ Вѣльскій отнесся, повидному, съ довѣріемъ къ приведенной датѣ, М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ своемъ изслѣдованіи о южнорусской колонизаціи (Архивъ Ю. Зап. Р. VII. I. с. 42—43), находя невозможнымъ отнести передаваемый фактъ къ эпохѣ Гедимина, высказавъ предположеніе, что онъ относится ко времени Витовта. Но оказывается, что фактъ этотъ относится къ XVI в. и самая замѣтка составляетъ, кажется, извлеченіе, не совсемъ точное, изъ современныхъ люстрацій. Прощу сравнить опись 1552 г. (Архивъ Ю. З. Р. VII. I.): «Остръ, за держанія пана Константина Ратомскаго. Замокъ Остерскій за Днепромъ а за Десною, межъ Києва и Чернигова... на старому городище около церкви стародавнее мурованое опустелое, отъ доброе памяти пана Ольбрахта Краштольта, воеводы Вилецкаго, на дедизне его отъ 14 лѣтъ зъ дерева сосноваго поставень....» и т. д. (с. 592). Далѣе: «Озера уступиме. У Чернино озера зъ Днепра с тоши две; у Крехаеве озеро зъ Десны тоши 1; у Ялмуце озеро зъ Десны, топи 2.... Местское озеро зъ Десны, топи одна» (с. 596). Села замковья перечислены слѣдующіи: Выползовъ, Пилпиовщина, Ельмника, Крохаевъ, Воденковичи, Жукпизъ, Чернино (с. 597). Зъ Жоблуцищпы бывало 30 грошей полтрети воза сена, теперъ пусто.. Земля Пророковщина въ пуге лежитъ (с. 598). Итакъ выходитъ, что переданный въ замѣткѣ фактъ имѣлъ мѣсто около 1538 г. и упомянутый Альбрехтъ Гаштольдъ былъ современникъ Сигизмунда Стараго. Сравни также люстрацію 1628 г., *ibidem* с. 341—342.

1) Памятникъ IV. 2. 66.

2) *Ibid.* 203. Каменный замокъ былъ построенъ и во Владимірѣ Казиміромъ III, по разрушенъ потомъ литовцами, см. у Длугоша. IX, р. 1150, X, р. 2—3, изд. 1711 г. Что до Києва, то здѣсь не было по всей вѣроятности каменнаго города въ древнюю эпоху и повѣрное не было въ среднюю; въ спискѣ городовъ Воскресенской лѣтописи: «городъ Кіевъ, древнякъ» (Пол. Собр. Лѣтоп. VII. с. 240).

3) Вотъ размѣры остальныхъ: Овручъ 66×43 , Остеръ 37×31 , Винница 24×23 , 5, Капевъ $45, 5 \times 18$, Чернасы 30×17 .

неодинакова, въ одномъ и томъ же замкѣ бывали городни и въ $3\frac{1}{2}$ и въ $1\frac{1}{2}$ саж., кажется нормальною длиною было три сажени ¹⁾). Стѣны бывали двойныя, промежутки между ними наполнялись землею или пескомъ; иногда, какъ въ Винницѣ, роль внутренней стѣны исполнялъ и плетень, хорошо обмазанный; снаружи стѣна обмазывалась иногда глиною пяди на двѣ и больше. Устроенная такимъ образомъ стѣна представляла значительный оплотъ, котораго не могло пробить пушечное ядро, какъ показалъ опытъ въ Винницкомъ замкѣ ²⁾); но за то если вода проникала въ эту земляную среду, стѣны должны были гнить очень скоро. Вообще замковыя сооруженія много страдаютъ отъ дѣйствія стихій: они скоро гниютъ, часто горятъ, „частокротъ витерь великій... верхи вздираетъ“ и проч. Какъ высоки были деревянныя стѣны, указаній нѣтъ, кромѣ того, что люстраторъ жалуется въ одномъ случаѣ: „а все будованье то замково унижено; можетъ на некоторыхъ мѣстцахъ человекъ, на земли стоячи, бланкованья, а подѣсябитья кнемъ досягнути“ ³⁾); можно гадать, что обыкновенная вышина не превышала 3-хъ сажень. Въ Луцкѣ каменные стѣны имѣли 4 сажени въ вышину.

Вверху стѣны имѣли крытые рубленые парапеты—бланкованья или обланки, въ которыхъ были сдѣланы отверстья для стрѣльбы—подсябитья (подъ ся бить), иногда пониже продѣлывался другой рядъ отверстій специально для гаковницъ и ружей. Со внутренней стороны у стѣнъ находились постройки въ видѣ сараевъ, иногда рубленыя, раздѣленные внутренними стѣнами, снабженныя запорами и служившія кладовыми для землянъ и другихъ обывателей староства на случай опасности; онѣ назывались также городнями. Крыша этихъ городень повидимому составляла вмѣстѣ помостъ „бланковань“, который шелъ вокругъ всей стѣны и былъ необходимъ для обхода сторожей и на случай обороны; избирались на этотъ помостъ по представленнымъ бревнамъ съ врубленными ступеньками. Здѣсь же, на помостѣ, складывались и различные припасы для обороны: колодки, камни, трезубы, которые сбрасывались на неприятеля; стояли корыта съ водою на случай пожара. Кромѣ городень къ стѣнамъ часто пристраивались также дома, клѣтки; окна домовъ

¹⁾ Архивъ, VI. I. 21.

²⁾ Архивъ VII. I. 599.

³⁾ Ibid. 77.

иногда пробивались наружу замка: въ Черкасскомъ замкѣ они пробиты были такъ низко, что можно было „досягнуть головою“¹⁾.

Стѣны прерывались башнями—„башты, вежи“—разной величины и вида (четыреугольныя, шестиугольныя, круглыя); въ деревянныхъ замкахъ онѣ также рублены изъ брусевъ, иногда имѣютъ двойныя, пабитыя землею стѣны, которыя снабжены „подсябтылями“; для прохода сторожей продѣланы были двери на тотъ помостъ, который опоясывалъ замокъ. Кромѣ помѣщеній для пушекъ, внутри башенъ бывалъ и жилья комнаты, кладовыя, амбары, склады боевыхъ припасовъ. Въ описаніи Житомирскаго замка упоминается башня съ „звономъ великимъ ратнымъ“, а въ Кіевѣ на одной башнѣ находился „зекгаръ (часы) з коло и со всеми приправами; выбиваетъ 24“²⁾. Крыша башенъ иногда бывала плоская, снабжалась бланкованьемъ, и на ней ставились пушки. Число башенъ весьма различно и колеблется между одною (Овручъ) и пятнадцатю (Кіевъ); чаще ихъ было отъ четырехъ до восьми. Одна башня—„вежа воротная“—стояла обыкновенно надъ воротами; часть моста, который велъ сюда, поднималась на цѣпяхъ,—узводъ. Подъ этимъ узводомъ бывали также амбразуры для стрѣльбы.

Внутри замка находилась обыкновенно церковь, были дома урядниковъ и отдѣльныхъ землянъ; дома эти были не велики и не казисты—срублены изъ бревенъ, состояли изъ сѣней и одной—двухъ небольшихъ комнатъ и часто были въ жалкомъ состояніи; такія зданія, какъ каменный палацъ бискупа Луцкаго, составляли исключенія. Затѣмъ здѣсь находимъ разныя службы: кухни, пивницы, бани, стаины, помѣщенья для пушекъ и боевыхъ припасовъ—т. н. шпихлеры, амбары и клѣтѣ для съѣстныхъ припасовъ—спижарни, жптники, свирни. Для добыванія воды тамъ, гдѣ не было безопаснаго и удобнаго доступа къ рѣкѣ, устраивались тайники, въ другихъ замкахъ были сдѣланы колодцы; рыть колодцы приходилось иногда глубоко, сажень 30, и устройство ихъ стоило довольно дорого; Кіевскій и Мозырскій колодцы имѣютъ 30 сажень глубины; въ Кременцѣ было выбито 40 сажень и все таки не нашли воды; за неимѣніемъ колодца дождевая вода здѣсь отводилась трубами и собиралась въ резервуаръ³⁾.

1) Архивъ VII. I. с. 77.

2) Архивъ VII. 1. 107, 125.

3) Въ Житомирѣ староста Янь, бискупъ Виленскій, усердный строптель, думалъ провести воду трубами изъ сосѣдней рѣки, но этотъ планъ не состоялся.

Вообще при небольших размѣрахъ замки являются тѣсно застроенными всякими домками и клѣтьми; по недостатку мѣста послѣдніе строились и внѣ замка. Этою тѣснотою замковъ объясняется и устройство окольных замковъ: къ стѣнамъ замка, если позволяла мѣстность, пристраивалась другая стѣна, тоже съ городными и башнями, какъ и замковая. Такіе окольные замки были въ Луцкѣ (частью каменный, частью деревянный) и Мозырѣ.

Что касается замковыхъ городовъ, они также обнесены деревяннымъ острогомъ съ пристроенными городными, клѣтьми, домами. Башень въ описяхъ не упоминается, но позднѣе онѣ строились и въ городахъ ¹⁾—съ умноженіемъ городского населенія необходимо было подумать о самостоятельной оборонѣ, не рассчитывая на замковыя укрѣпленія. При осмотрѣ Луцка Фальчевскій уже освѣдомлялся „если къ часу потребности которую оборону кромѣ замку можетъ мѣсто въ себѣ мѣти“ ²⁾.

Таково было устройство замковъ. Весь этотъ типъ укрѣпленій не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ болѣе древнею эпохою, это тотъ же древнерусскій городъ съ дѣтинцемъ или городомъ въ тѣсномъ смыслѣ, который соответствуетъ позднѣйшему замку, и острогомъ или окольнымъ городомъ вокругъ него; стѣны города и тогда рубились обыкновенно изъ дерева и состояли изъ „городницъ“, по верху которыхъ находились дощатыя „заборала“, соответствующія „обланкамъ“ нашихъ описаній; упоминается подъемный мостъ, вежи; Дачинломъ Галицкимъ выстроена была въ Холмѣ посерединѣ города „вежа высока, якоже бити с неа окрестъ града, подздана каменьею въ высоту 15 лакоть, создана же сама древомъ тесанымъ, и студенець, рекомый кладязь близъ ея бѣ, сажений имущи 35“ ³⁾.

¹⁾ Такъ въ люстраціи Житомирскаго староства 1622 г. говорится: мѣсто острогомъ и валомъ окружено, въ немъ воротъ съ запорами 3, башень 5. (Архивъ VII. I стр. 326). Боланъ пишетъ: Новый Кіевъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ ничтожнымъ ровомъ въ 28 ф. шириною. Матеріалы для топогр. Кіева, отдѣлъ II, с. 45.

²⁾ Памятн. IV. 190.

³⁾ Пнатьевск. лѣт. с. 559. Относящіяся сюда мѣста лѣтописи собраны въ Исслѣдованіяхъ и пр. Погодина т. VII. с. 194 слѣд. Вежи упоминаются подъ 1097 г. (Ипат. л. с. 178), но пѣкоторые разумѣютъ здѣсь подвижныя деревянныя башни осаждающихъ, т. н. гуляй-городы; въ Вокрес. сп. вѣсто «подъ вежами» стоитъ «подъ турями» Н. С. Л. VII. с. 17.

Замокъ находился въ завѣдываніи мѣстнаго воеводы (въ Кіевѣ) или старосты. И тотъ, и другой имѣли одинаковый кругъ полномочій, соединяли въ своихъ рукахъ власть военную съ широкими административными и судебными компетенціями и одновременно были членами государственнаго совѣта—„Рады Лѣтовской“¹⁾. Послѣ того какъ у в. кн. Александра было вынуждено обязательство не смѣщать чиновниковъ безъ суда, старосты обыкновенно сохраняютъ свои уряды пожизненно. Содержаніе старосты складывалось обыкновенно изъ доходовъ съ имѣній, приписанныхъ къ замку, пѣзъ разнообразныхъ податей и пошлинъ съ торговцевъ и промышленниковъ и судебныхъ пеней; не всегда возможно опредѣлить размѣръ содержанія, но несомнѣнно, что оно достигало иногда значительныхъ размѣровъ (такъ напр. Владимірскій староста получалъ по исчисленію Фальчевскаго до 400 копѣ (3000 рубл.), не считая такихъ неопредѣленныхъ доходовъ, какъ пени и пр.²⁾). Кіевскіе воеводы получали въ дополненіе еще изъ государственной казны вѣскольکو сотъ копѣ ежегодно „для усуможенья“³⁾. Изъ этихъ доходовъ старосты содержатъ замковыхъ слугъ, иногда сторожей, пушкарей и небольшіе отряды служебниковъ; дѣлать другіе расходы на замокъ они не были обязаны.

На случай своего отсутствія старосты назначали отъ себя „на мѣстниковъ“ или „подстаростихъ“. Не будучи государственными чиновниками, послѣдніе вѣроятно поэтому самому не пользовались всѣми правами старостъ въ ихъ отсутствіе и населеніе иногда не повиновалось имъ.

Городничій ближайшимъ образомъ завѣдывалъ замковыми укрѣпленіями, слѣдилъ за исполненіемъ работъ и производилъ ихъ самъ на средства, доставляемыя населеніемъ или правительствомъ; онъ же наблюдалъ за порядкомъ и исправностью замка вообще и его можно приравнять къ современному коменданту или польскому бургтрабію; должность эта замѣщалась правительствомъ и считалась довольно важною⁴⁾.

1) Старосты Мозырскій, Черныльскій, отчасти Житомирскій были вѣскольکو ограничены въ своей военной власти: мѣстное ополченіе созывалось по приглашенію Кіевского воеводы. Архивъ VII. I. 144, 588, 617.

2) Памятники 170—178.

3) Акты З. Р. II. № 44. Акты Ю. и З. Россіи I. № 111.

4) Подробнѣе о городничихъ см. у г. Бершадскаго: Аврамъ Езофовичъ, Кіевская Стар. 1888. X. с. 79—85.

Кромѣ этихъ общихъ чиновниковъ въ Луцкѣ были еще: „ключникъ“, завѣдовавшій имѣньями Луцкаго ключа, и мостовничій: здѣсь было нѣсколько мостовъ и одинъ длинный, въ 300 сажень. Въ другихъ замкахъ эти должности упоминаются спорадически, такъ встрѣчаются—ключникъ Кіевскій, мостовничій Кременецкій¹⁾.

Отъ времени до времени въ замкахъ являются съ специальными порученьями такъ наз. дворяне господарскіе.

Наканунѣ люблинской уніи и въ связи съ нею учреждены были должности каштеляновъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго (ранѣе существовала эта должность въ Вильнѣ и Трокахъ); впрочемъ этотъ заимствованный изъ Польши урядъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ обязанностей и былъ лишь почетнымъ титуломъ, дававшимъ право на мѣсто въ сенатѣ.

Должности разсматриваются въ это время и самими правительствомъ, раздававшимъ ихъ за значительныя „челомбитья“, и урядниками, въ значительной степени, какъ бенефиціи, доходныя статьи. Отсюда частыя вымогательства и злоупотребленія при слабомъ контролѣ центральной власти и неопредѣленности юридическихъ и финансовыхъ отношеній населенія, основывавшихся на обычай, на томъ, что такъ „здавна бывало“; отсюда часто равнодушное и своекорыстное отношеніе къ обязанностямъ, связаннымъ съ должностью: выдающіяся, знатнѣйшія лица не свободны отъ такого отношенія.

Изъ того же взгляда на должности, какъ на бенефиціи, вытекало широко практиковавшееся совмѣщеніе должностей: по нѣскольку староствъ, иногда взаимно удаленныхъ, по три—четыре должности соединялось часто въ однихъ рукахъ²⁾. Нѣкоторыя изъ южно-русскихъ староствъ соединяются обыкновенно въ однихъ рукахъ, напр. Вишницкое и Брацлавское, Черкасское и Каневское. Такіе совмѣстители назначали отъ себя разныхъ намѣстниковъ и урядниковъ, которые, завися всецѣло отъ нихъ, имѣли болѣе поводовъ заботиться

¹⁾ См. Болецкаго. *Poczet rodow w W. X. Litewskiem.* стр. XI и XVII.

²⁾ Такъ напр. кн. Конст. Ів. Острожскій былъ одновременно старостою Луцкимъ, Брацлавскимъ, Вишницкимъ (и каштеляномъ Вилецкимъ), кн. Федоръ Саигушквичъ—старостою Владимірскимъ, Брацлавскимъ, Вишницкимъ и маршалкомъ земли Волынской. Мозырское староство въ 1552 держитъ Нарбутъ, воевода Подляскій. Янъ, бискупъ Виленскій, держитъ Кременецъ, Житомиръ. Ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ часто въ Луцкѣ бывало одно лицо; нѣкій Дахно въ 1537 г., совмѣщая эти должности, былъ еще и старостою Кременецкимъ, а позднѣе нѣкто Киверницкій—старостою, городничимъ и ключникомъ Луцкимъ.

объ интересахъ своихъ патроновъ и собственныхъ, чѣмъ даннаго уряда. Въ Луцкѣ въ 1545 г. жаловались, что ни староста, ни городничій не живутъ въ замкѣ и урядниковъ постоянныхъ не держать: „не толко дей догоду абы одинъ врадникъ у старосты стрывалъ, але часомъ и на одной педѣли два перемищаются“; жаловались на безпорядки, происходившіе отъ совмѣщенія должностей городничаго и мостовничаго, но жалобы эти остались безъ послѣдствій ¹⁾.

Укрѣпленія замка и мосты должны были строиться и ремонтироваться безъ различія всѣмъ населеніемъ повѣта. Это былъ старый и общій принципъ земскаго устройства. Въ грамотѣ кн. Александра Коріатовича 1375-го г. Смотричскому доминиканскому монастырю люди, которыхъ монастырь осадитъ на данной территоріи, обязуются принимать участие въ укрѣпленіи Смотричскаго замка вмѣстѣ со всѣми боярами и землянами ²⁾. Въ знаменитой Городельской привилегіи, представлявшей льготу литовскому католическому дворянству, за послѣднимъ признавалась однако обязанность по старому строить и поправлять замки, отбывать военную службу и платить налоги (§ 8). Равнымъ образомъ привилегія Казимира (1457), уравнивавшая права литовскихъ сословій съ польскими, освобождая подданныхъ духовныхъ и дворянскихъ отъ разныхъ „несправедливыхъ работъ“, сохраняетъ „работы на будуванье городовъ (замковъ) нашихъ новыхъ потребныхъ, а старыхъ поправленія“, постройку мостовъ, даванье стаций; все это, говоритъ король „непорушнѣ заховаемъ, а и хочемъ всегда имѣти неслободныхъ“ ³⁾. Отъ этихъ повинностей владѣльческіе крестьяне были освобождены только статутомъ 1588 г. ⁴⁾.

Но это общее положеніе изъ разсматриваемыхъ замковъ примѣнялось лишь къ нѣкоторымъ сѣвернымъ, расположеннымъ среди сравнительно многочисленнаго и густаго населенія—Овручскому, Чернобыльскому, Мозырскому; эти замки строятся „людьми господарскими,

¹⁾ Памяти. IV. 2. 93—94. Въ 1560 опять ключникомъ, городничимъ и мостовничимъ оказывается одинъ Ив. Борзобогатый (Ак. Ю. и З. Р. II. № 139).

²⁾ Акты З. Р. I. № 4. Подлинность этой грамоты впрочемъ подоарѣвается нѣкоторыми, см. Замятки по ист. Литов. Рус. госуд. Н. П. Дашкевича с. 77.

³⁾ Акты З. Р. I. № 61 (ст. 76).

⁴⁾ Раздѣлъ III арт. 29, см. въ послѣдств. о крестьянахъ г. Новицкаго Арх. VI: I. с. 72.

мещаны и волощаны и людьми князскими, панскими, боярскими¹⁾, подъ надзоромъ старосты или кого нибудь изъ мѣстныхъ земель. Замки волынскіе—Владимірскій, Луцкій, Кременецкій были въ особомъ положеніи: послѣдніе два были каменные, Владимірскій стоялъ безъ перестройки почти цѣлое столѣтіе, построенный Казиміромъ Ягайловичемъ, на его счетъ. На населеніе падалъ главнымъ образомъ ремонтъ, содержаніе городенъ и проч. Но здѣсь среди мѣстнаго дворянства, особенно крупнаго, уже довольно ясно выступаетъ стремленіе вполне освободиться отъ лежащихъ на немъ повинностей. На это указывалъ король въ своей грамотѣ волынскому дворянству, о которой было упомянуто выше²⁾, это подтверждается и данными описи. Сами дворяне жалуются, что урядники „старшихъ закрываютъ“; въ Кременцѣ жалуются, что знатные дворяне „николы передъ старостами здѣшними у правѣ не становятся и жадного послушенства не чинятъ и отбиваютъ (отговариваются) Господаремъ албо Виленскимъ и Троцкимъ повѣтомъ“³⁾. Строя свои частные замки, дворяне „привертають“ къ нимъ свои имѣнья и отказываются участвовать въ укрѣпленіи повѣтоваго замка, хотя въ такомъ случаѣ „повиноватости замку господарского головного не годится ощущати“⁴⁾. Между тѣмъ въ руки дворянства перешла бѣольшая часть территоріи повѣтовъ, мѣщане были изъяты изъ замковой работы и обложены денежными повинностями и такимъ образомъ замки оказывались въ трудномъ положеніи.

Въ староставахъ малолюдныхъ или вовсе пустынныхъ, куда пужно было привлекать населеніе разными льготами, постройку замковъ приходилось правительству брать на себя. Въ замки поднѣпровскіе—Кіевскій, Каневскій, Черкасскій и Остерскій⁵⁾ правительство отправляло лѣсъ и плотниковъ „добродеревцевъ“ изъ „верховыхъ“ областей Бѣлорусскихъ подъ надзоромъ своего старосты или

1) Архивъ IV. I. 36; VII. I. 587, 611.

2) Которыи одъ оныхъ замковъ у предковъ пашыхъ... именя и люди выслужили и тыми вже людямъ выслужеными яко оныхъ замковъ будовати, такъ и мостовъ робити и подводу и стацей давати, такъ и иныхъ стародавнихъ повинностей земскихъ полнити не хочуть. Памятныи IV. 2. 7. *Źród. dz. VI. s. 3.*

3) Памяти. IV. 2. 215.

4) Архивъ VII. I. 128, 138, 139. Памяти. IV. 2. 182 (?).

5) Почать знову новымъ деревомъ сосновымъ же робити добродеревцы (т. е. волощаны поднепръскими—с. 177) Архивъ VII. I. 592; 91, 177.

пазначеннаго „справцы“. Нѣкоторыя подробности даетъ одно королевское распоряженіе ¹⁾: вслѣдствіе ветхости укрѣпленій Кіевскаго замка городничій получаетъ приказъ вымѣрить и распределить работу между верховыми волостями „водлугъ почту людей“. При этомъ Свислочской волости приходится выставить 60 человекъ, чтобы „знову переправити и перекрыти“ 38 городень; они должны явиться въ Кіевъ съ необходимымъ количествомъ дѣсу и драниць и „съ достаткомъ живности себѣ“; за неявку ихъ штрафуютъ по копѣ съ топора. Когда шло дѣло о постройкѣ новаго замка, артели конечно были гораздо больше: такъ въ Каневѣ на постройку замка отправляется свыше полугоры тысячи человекъ, которые гонятъ нѣсколько тысячъ брусевъ ²⁾. Въ другихъ случаяхъ правительство сдавало постройку замка съ подряду, такъ былъ выстроень Браславскій замокъ старостою за 700 копѣ, Житомирскій—частнымъ подрядчикомъ. При этомъ строители часть работы накиннули и на население: въ Браславѣ оно было принуждено выстроить больше трети городень, а въ Житомирѣ—вывезть „за неволею и грабежомъ“ 500 брусевъ, „не маючи на то никоторого расказанія господарского“ ³⁾. Къ работѣ замковой привлекались иногда мѣстные плотники „тесли“—на нихъ, на примѣръ, возлагаютъ постройку подъемнаго моста—„узвода“ ⁴⁾.

Въ поднѣпровскихъ замкахъ ремонтъ (самый, впрочемъ, ничтожный) производился сообща всѣмъ населеніемъ; въ западныхъ замкахъ духовные и свѣтскіе владѣльцы, мѣщане, государственныя волости имѣли свои особые участки: „хтоколькокъ собѣ на которой сторонѣ городню обыметъ и двери вроблетъ и схованье будетъ въ ней мѣти, той вжо повиненъ будетъ тую городню направовати, верхъ накривати, камене и колодки къ оборонѣ на ней миты и глиною обмазovati“; тоже было и относительно башенъ ⁵⁾. Эти городни связывались съ имѣньями: нѣсколько имѣній государственныхъ или частныхъ содержало одну городню и эта обязанность переходила на всякого послѣдующаго владѣльца, такимъ образомъ иногда одинъ владѣлецъ участвовалъ въ нѣсколькихъ городняхъ. Въ повѣтахъ съ многочислен-

¹⁾ Акты Юж. и Зап. Р. I. № 109 (1542 г.).

²⁾ Архивъ VII. I. 93.

³⁾ Архивъ. VI. I. 19; VII. I. 125.

⁴⁾ Напр. въ Луцкѣ (Памяти. IV. 2. 70).

⁵⁾ Архивъ VII. I. 126 (Житомиръ).

нымъ дворянствомъ одну и ту же городню держало 4—6, а иногда и больше десяти дворянъ ¹⁾. Ремонтъ производился на взносы ихъ и при многочисленности участниковъ эти раскладки, въ сущности пустячныя, были очень хлопотны.

Мосты находились въ тѣхъ же условіяхъ, что и замки; въ Подніпровьѣ ихъ строить „добродеревцы“, въ болѣе населенныхъ повѣтахъ—населеніе; если было нѣсколько мостовъ, дворяне и мѣщане распредѣляли ихъ между собою; ремонтъ производится тоже то по городнямъ, то „безъ дѣльницъ“.

Наконецъ постройка городского острога лежала всегда на городскихъ обывателяхъ—мѣщанахъ и иныхъ; мѣщане часто жалуются, что проживающіе въ городѣ земляне и ихъ люди отказываются исполнить эти и другія городскія повинности. Въ Луцкѣ перечисляли 33-хъ дворянъ, во Владимірѣ—21, которые запрещали своимъ поданнымъ отбывать городскія повинности ²⁾.

Перейдемъ къ состоянію замковъ; далеко не всѣ они при ревизіи могли похвалиться прочностью и исправностью; въ однихъ многое было недостроено и брошено, въ другихъ—запущенныя сооруженія имѣли самый жалкій видъ. Замокъ Каневскій „ветохъ, погнило и поопадало будуванья въ немъ много, трудна на немъ не только оборона, але и сторожа, бо не льза вже ходити по бланъкахъ: што не поопадало, ино и то ледви отъ витру колышетесья“; дома погнили, тайникъ завалился ³⁾. Подобное пишетъ Потей о Винницкомъ замкѣ: „о работѣ того замку радъ быхъ писалъ, которая городня добра, а которая лиха и штобы потреба было поправовати, ино въ сего замку не машъ чога хвалити: весь опалъ и огнилъ, и обмазанье все опадло, на вежахъ ни на однихъ яко подсябитья, такъ и всходовъ, а ни дверей до обланковъ нѣтъ“ ⁴⁾. Во Владимірскомъ замкѣ изъ 70 городень и 5 башень 20 городень и 4 башни „лихихъ“: „то все оправленія потребуеть“ ⁵⁾. Въ Луцкомъ окольномъ замкѣ „индей усходовъ, а ни дверей нѣтъ, а

¹⁾ Напр. см. Памят. IV. 2. 81 (Луцкъ).

²⁾ Памят. IV. 2. 145—7.

³⁾ Архивъ VII. I. 91—92.

⁴⁾ Żródła dz. VI. 111.

⁵⁾ Памят. IV. 2. 27.

на другой (башнѣ) почато и не докончивши покинено“... „робота а ни вечиста, ани безпечна, просто не машъ на што гядити и хвалити“¹⁾. Въ болѣе исправномъ состояніи оказались замки: Кременецкій, Мозырскій, Овручскій, Винницкій (во время ревизіи 1552 г.) и недавно выстроенные: Кіевскій, Чернобыльскій и Черкасскій.

Жалкое состояніе многихъ замковъ обуславлявалось прежде всего самымъ матеріаломъ: набитыя землею, часто необмазанная стѣны, деревянные крыши городень и башень, утлые домики и клѣти должны были гнить очень скоро; Каневскій замокъ, на примѣръ, въ свое жалкое состояніе пришелъ чрезъ 13^{1/2} лѣтъ со времени постройки, Остерскій перестраивается чрезъ 11 лѣтъ. Однако при тщательной постройкѣ и своевременномъ ремонтѣ укрѣпленія могли служить несравненно дольше: я уже упомянулъ, что Владимірскій замокъ стоялъ со времени Казимира Ягайловича. Дѣло въ томъ, что работа была производима часто наскоро и небрежно. Такъ въ Житомирѣ черезъ годъ послѣ постройки (подрядомъ) уже попадало „покрытє на стѣнахъ“, въ одной башнѣ верхъ провалился; Остерскій замокъ „не облепливанъ, недбале весь роблень, не добре покрытъ“ и проч. Лучшіе обыватели жалуются, что ключники, завѣдывавшіи постройками, умышленно строишь городни небрежно „для частого поправеня и пожитку уряду своего“. Когда люстраторъ совѣтовалъ строить мость „моцнѣйшимъ обычаемъ, клѣтками або влеземъ“—потому что мость былъ плохъ и шатался, такъ что „возомъ великимъ небезпечно ходити“, обыватели объясняютъ это опять своекорыстными расчетами ключника (уже другого), „бо дей нѣтъ того року, абы два кротъ и три кротъ на годъ або большей людей ихъ не граблено“ за неисправность; что слуги его нарочно вынимають доски изъ моста²⁾.

Ремонтъ, какъ указано было, въ этихъ замкахъ производился также часто небрежно; много вредилъ самый способъ работы, при которомъ одну и ту же городню обязано было содержать по нѣсколку землянъ: происходили пререканія, одинъ ссылался на другого, жаловались, что „старшимъ пропускають, а молодшихъ грабятъ, для чего напе-

¹⁾ Ibid. с. 92.

²⁾ Памятн. IV. 2. 93; 120—121.

редъ не хотять робити“ и подоб. ¹⁾). Еще сложѣе была процедура, когда какую нибудь работу должны были произвести всѣ земляне; какъ образчикъ, приведу распоряженіе бискупа Фальчевскаго относительно перестройки башни во Владимірѣ, давшей трещину: на постройку должно быть внесено съ 10-ти человекъ крестьянъ брусъ и тесина, съ 20-ти—маца (мѣра въ 4 корца) муки и по $\frac{1}{2}$ гроша людскаго съ человека. Для приѣма взносовъ и производства работъ выбранъ кн. Богданъ Куревичъ, онъ будетъ выдавать квитанціи и отчетъ въ употребленіи получаемыхъ взносовъ. Если кто будетъ уклоняться отъ взноса, господарскій дворянинъ Солтановичъ, присланный королемъ для надзора за работами, будетъ „овыхъ непослушныхъ грабити“ (конфисковать), изъ этого „грабежа“ будетъ выдавать слѣдующее на работу, а полтину грошей „децкованья“ удерживать себѣ²⁾). Такая сложная процедура понималась изъ за незначительной работы! Конфискація дѣйствительно была подчасъ единственнымъ средствомъ взысканія повинностей, не даромъ обыватели кременецкіе просятъ на мѣсто своего городничаго прислать „особливаго дворянина господарскаго, который бы модонъ былъ не толко тыхъ меншихъ особъ, але и старшихъ князей, которые зъ той работы выламуются, мощно привернути и грабити“ ³⁾.

Наконецъ жалуются еще на отсутствіе досмотра, что „за нерадностью и неопатреніемъ помосты, столбы хотябы хто вробили, албо колодки для обороны наготовили, тогда нѣтъ вѣдома кто крадетъ и жгутъ и продають и обиску и грозы нѣтъ (Луцкъ) ⁴⁾); это было и неудивительно здѣсь при отсутствіи постоянныхъ чиновниковъ, на которое жаловалось населеніе. Подобные беспорядки происходили и въ Браславѣ ⁵⁾.

Дополнимъ этотъ очеркъ состоянія замковыхъ сооруженій еще нѣсколькими чертами изъ описей. Нѣкоторые замки уже оказываются

¹⁾ Такъ напр. староста Владимірскій заявляетъ однажды, что хотя онъ и имѣетъ село въ данной волости, но «не повинень робити для причинъ, ижъ иншимъ не роблять». Памятныи IV. 2. 75.

²⁾ Памятн. IV, 2. 19—22.

³⁾ Ibid. 203.

⁴⁾ Памятн. IV. 2. 93.

⁵⁾ И помостовъ, и столбъ (дѣстницъ), которые были въ замку около всихъ городень, и дверей в иншихъ городняхъ не мають—то дей все обожгли за первымъ старостъ и тежъ жолнеры. *Žród. dz. VI. 119.*

малыми сравнительно съ населеніемъ; такъ замокъ Браславскій „велики есть малый, не водугъ достатку людей, не толко половица ихъ, але и третия часть зъ статки своими часу пригоды не могутъ ся умѣстити“ ¹⁾. Равнымъ образомъ малъ и сосѣдній замокъ Винницкій, да итому „деревомъ велики тонкимъ робленъ и еще не въ замокъ стѣны, правѣ бы одны на все дыры и невѣмъ гдѣбы инде такъ просто замокъ робленъ былъ, яко тотъ здѣшній: не толко людемъ въ часъ пригоды одъ навалного неприятеля негдѣ запертися и обороны одколь вчынити, але и быдла страшно заперти“ ²⁾. Между тѣмъ это были замки порубежные, особенно Брадавщина подвергалось частымъ вторженіямъ и опустошеніямъ, такъ какъ лежала между двумя татарскими шляхами на перепутьѣ. Житомирскій замокъ, среди пререканій, кто долженъ выстроить замковый мостъ, стоитъ цѣлый годъ безъ моста; мѣщане заявляютъ, что они сдѣлали было половину, но подстароста порубилъ и пожогъ ихъ роботу, между тѣмъ: „не только возомъ въ замокъ не можетъ приѣхати, але и пѣшому трудно на взводъ взйти, алижъ поползкомъ“ и люди „одъ неприятеля, въ таковой нерадности мусятъ до гѣсу втекати“ ³⁾. Въ Брадавѣ за отсутствіемъ моста приходилось объѣзжать кругомъ и люди при нападеніи „сами въ руки неприятеля увойдутъ“ ⁴⁾. Въ Брадавѣ, Житомирѣ, Каневѣ, Кременцѣ нѣтъ колодцевъ, добывать воду очень трудно и потому они „часу прыгоды а навалного обложеніи для недостатку водного мусятъ страдати“ ⁵⁾. До правительства часто доходили извѣстія о такомъ печальномъ состояніи окраинныхъ замковъ, „ижъ многіе опали и показились“ и проч., но если оно по временамъ и принималось на свой счетъ „патрувать“ ихъ, это имѣло ту дурную сторону, что населеніе подчасъ еще нерадивѣе начинало относиться къ замковой работѣ, надѣясь, что правительство возьметъ ее въ концѣ концовъ на себя ⁶⁾.

1) Архивъ VI. 1. 20—21.

2) Żródła dz. VI. 111.

3) Żródła dz. 137. Въ епискѣ Архива (VII. 1. 132—133) это мѣсто испорчено.

4) Архивъ VI. 1. 20.

5) Архивъ VI. 1. 20; VII. 1. 133.

6) См. напр. Żródła dz. VI. 114.

Сторожили замокъ сторожа и кликуны; сторожа стерегли днемъ, у воротъ и на башняхъ, кликуны ходили ночью по стѣнамъ и „кликали“; обѣ эти обязанности иногда совмѣщались, иногда кликуны днемъ исполняли хозяйственныя работы при замкѣ: возили воду, рубили дрова и пр. Всего сторожей было по 2—3, рѣдко больше; платили имъ обыкновенно по 3—4 копы, чаще всего изъ особаго налога: сторожовщины или кликовщины, которую платили то одни мѣщане, то все населеніе повѣта; иногда они содержались изъ доходовъ старостинныхъ¹⁾. Въ другихъ случаяхъ сторожей обязаны были наряжать замковыя и иныя села, такъ сказать натурою, по очереди на недѣлю²⁾; самыя села эти въ отбываніи этой и подобныхъ повинностей (подводы стаціи) раздѣлялись на недѣли. Иногда стерегли замокъ солдаты, „драбы“, гдѣ они были. Въ городѣ, у острога, были свои сторожа, нанимавшіеся мѣщанами.

Въ повѣтахъ, чаще подвергавшихся татарскимъ набѣгамъ, существовала еще „сторожа“ внѣ замка, такъ назыв. польная. Эти сторожа — конные, по нѣскольку человекъ стояли на „татарскихъ шляхахъ“, часто въ нѣсколькихъ пунктахъ, на валахъ, могилахъ, вышкахъ („на сохахъ“), иногда весьма далеко отъ замка (въ Житомирѣ за 20, въ Овручѣ за 30 миль)³⁾. Стерегли они обыкновенно не круглый годъ, „а водлугъ часовъ потребы“, „мгды ся выстерегають людей непріятельскихъ“, или во время полевыхъ работъ, содержали ихъ то одни мѣщане, то всѣ обыватели. Впрочемъ Житомирцы были того мнѣнія, „ижъ сторожи не вельми великая потреба, бо николи сторожа не встережетъ, а хотя тежъ и подстерегутъ татаръ, тогда до замку втичы передъ ними не могутъ“⁴⁾ — сторожа, какъ упомянуто, стояли здѣсь слишкомъ далеко.

Кромѣ того отряды бояръ или мѣщанъ съ замковымъ урядникомъ отъ времени до времени выѣзжали „шляховъ отвѣдовати“.

1) Архивъ VII. I. 81, 82, 95, 595. VI. I. 20.

2) Архивъ IV. I. 39; VII. I. 133, 164.

3) Въ Вишницѣ (Архивъ VII. I. 608) ходять «доведыватися о войску татарскомъ и шляху ихъ стеречи у верхъ Десницы рѣчки а въ Острицы, гдѣ шляхъ идетъ на Базарбовъ бродъ». Черкасы были со всѣхъ сторонъ огорожены польною сторожею (Ibid. 81). Овручская сторожа выводилась къ с. Ходоркову (Сквиркск. у.) Архивъ IV. I. 40.

4) Архивъ VII. I. 144.

Перейдемъ къ тѣмъ средствамъ, которыя были въ распоряженіи замковъ на случай непріятельскихъ нападений—военнымъ контингентамъ, артиллеріи и запасамъ. Постоянные гарнизоны существовали лишь въ немногихъ замкахъ—въ Кіевѣ, Черкасахъ (сто драбовъ), Винницѣ, Брацлавѣ (не всегда). Эти отряды „драбовъ“ находились подъ командою своихъ ротмистровъ и состояли изъ „копійниковъ“ — „з корды (родъ меча) а з алябартами або з оцены (копья)“ и „стрѣльцовъ—з рутьвицы, з мечи“¹⁾. Кромѣ того при замкахъ бывали иногда небольшіе отряды старостинныхъ служебниковъ—въ Черкасахъ (61), Каневѣ (33 новыхъ, да 13 старыхъ), Житомирѣ (11 стрѣльцовъ и слугъ замковыхъ), Винницѣ.

Затѣмъ въ распоряженіи воеводы или старосты находились разнаго рода ополченія. Главную и обычную земскую силу составляло ополченіе, которое выставляли землевладѣльцы—земяне со своихъ помѣстій; единицею при этомъ служила обыкновенно „служба“, участокъ приблизительно равный 200 десятинамъ; на Волини единицею считалось дворіще, не имѣвшее такой опредѣленной величины²⁾. Ополченіе это было конное, „пахолокъ“ долженъ быть „на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбиза, мечъ або кордъ, павеза (деревянный щитъ, въ полтора локтя) и остроги двѣ“³⁾. Затѣмъ несли военную службу, но вѣроятно лишь въ предѣлахъ своего старства, бояре и слуги разныхъ наименованій (панцырные, замковые, ордынскіе, путные), пользовавшіеся небольшими земельными участками въ нѣсколько волокъ. Какъ земяне, такъ бояре и слуги между южно-русскими староствами распредѣлялись весьма неравномѣрно—это объяснялось помимо общаго распредѣленія населенія также условіями тогдашняго хозяйства. На Волини и въ Полѣсьи они довольно многочисленны—на Луцкій сѣздъ въ 1545 г. собралось 162 дворянина, хотя многіе не явились; въ „Пописѣ земли Волинской“ 1528 г.⁴⁾ перечислено до трех-

1) Архивъ VII. I. 90. Правительство вообще тяготѣло содержаніемъ гарнизоновъ: во время напр. войны съ Московскимъ государствомъ въ 1574 г. въ пограничныхъ замкахъ было всего 1605 драбовъ, изъ нихъ при заключеніи перемирія въ этомъ году было отпущено 940. См. Акты З. Р. III. № 61.

2) По заявленію дворянъ «двѣ дворіщи не стоятъ за одну службу Литовскую» Памяти. IV. 2. 50.

3) «Ухвала» 1528 г. А. З. Р. II. № 152.

4) Акты изд. Виленск. ком. XIII. № 6.

сотъ землевладѣльцевъ, которые должны были поставить ратниковъ въ ополченіе, всего Волынская земля по этому „Попису“ должна была выставить около восьмисотъ коней; по переписи 1565 г. ¹⁾ на Волынскую землю, не считая отрядовъ нѣкоторыхъ пановъ, приходилось свыше 550 коней (все ополченіе в. княжества состояло изъ 8178 коней). Но Кіевскій повѣтъ по этой послѣдней переписи ставитъ всего 36 коней. Въ Винницкомъ повѣтѣ было всего 18—19 панскихъ фамилій и 21 боярская, въ Житомирскомъ — 22 дворянина, въ Браславскомъ „земянъ старшихъ“ 23, да 14 „подлѣйшихъ“ по выраженію описанія, „которыхъ старшіе земляне братиею собѣ не мнуютъ а не знаютъ отколь суть“; въ Острѣ 27 боярь, въ Каневскомъ повѣтѣ владѣютъ землями 8—10 землянъ, которые живутъ однако, какъ видно, въ другихъ повѣтахъ, и 6—7 боярь, а въ Черкасскомъ 4 землянина и 5 боярь ²⁾.—Такимъ образомъ обычная военная сила здѣсь отсутствовала.

Военною повинностью обязано было также мѣщанство. Предоставляя городамъ значительные участки, часто на милю кругомъ (что составитъ около 16 тысячъ десятинъ), а то и больше, правительство требовало взамѣнъ отъ населенія военной службы ³⁾. Всѣ болѣе зажиточные мѣщане и прочіе обыватели обязаны имѣть коня и по требованію старосты должны были отправляться вмѣстѣ съ замковыми слугами или землянами, чаще всего въ погоню за татарами. За исполненіемъ этой повинности строго слѣдили; такъ въ Уставной грамотѣ Кіеву предписывается: если будутъ вѣсти о татарскомъ набѣгѣ, горожане не имѣютъ права уѣзжать изъ города, или должны оставить замѣстителей, „которые мають безъ нихъ службу нашу заступовати“ ⁴⁾. Не имѣющіе возможности содержать коня должны въ случай набѣга являться въ замокъ въ качествѣ гарнизона ⁵⁾. Мѣщане, владѣвшіе пасѣками, обязаны были имѣть коня не-

¹⁾ Архивъ VII. I. № 23.

²⁾ Архивъ VI. I. 26. VII. 1. 89, 98 сл., 127, 595. *Żród. dz.* VI s. 108, 115.

³⁾ Эта связь указывается прямо напр. въ привилегіи г. Суража (1570): придаемъ имъ... около замку и мѣста Суражского на вси стороны на милю; которую землю они держачи, службу козную возную на противуку неприятелю нашему заступовати мають потому, яко ся мѣщане мѣста нашего Витебского зъ кгрунтовъ своихъ мѣстскихъ къ той службѣ военной заховывають. Акты Зап. Р. III. № 50.

⁴⁾ Акты Зап. Р. I. № 120 (1494 г.).

⁵⁾ Акты Ю. З. Россія. II. № 108. (1523).

примѣнно, даже двухъ иногда (пасѣки эти были велики, со всякими угодьями, пашнями и лугами, такъ что, по мнѣнію люстратора, Брацлавскія пасѣки „не потреба есть меншы селищъ важити, и иншыи пасѣки, ижъ и три селища за одну пасѣку не стоятъ“) ¹⁾. Однако оговаривали часто, что мѣщане „не повинни лежать на полѣ“ т. е. оставаться продолжительное время; они обыкновенно „оглядали шляхи татарскіе“, ѣздили въ погоню и проч. ²⁾. Для торговаго и ремесленнаго населенія эта обязанность была весьма неудобна и оно предпочитало откупаться деньгами отъ обязанности держать коней и ѣздить на службу. Въ грамотахъ Луцку (1497) и Владишіру (1509) за мѣщанами признается обязанность въ случаѣ крайней надобности занимать только гарнизонъ въ замкѣ ³⁾.

Но мѣщанами не ограничивалась военная повинность, въ окраинныхъ повѣтахъ она простирается и на крестьянъ, замковыхъ и частныхъ. Въ Кіевскомъ повѣтѣ конную службу несутъ многіе церковные подданные, въ Брацлавѣ служили прежде и люди боярскіе, въ Винницкомъ повѣтѣ служатъ „з места и з волости кождый, хто кольвекъ кони маєть, а в погонь одинъ другого выправуютъ о двуконь, а повинни ку службе военной кони держати вси, яко городскіе (замковые), такъ землянскіе“, иначе подвергаются штрафу „за огурцину“; въ Каневскомъ „противъ людей неприятельскихъ... повинни конно збройно бывать“—мѣщане, бояре и подданные ихъ, и церковные и гости всѣ; въ Черкаскомъ подданныхъ не было ⁴⁾. Условія, въ которыхъ жило населеніе, сами превращали его въ одну сплошную милицію. Владимірскіе мѣщане говорятъ, что у каждаго есть ружье, а то и два; Житомирскіе земляне и мѣщане „ручници мають и стреляти добре уміють“; Ляссота, проѣзжавшій 40 лѣтъ спустя по южной окраинѣ Волыни, пишетъ, что каждый крестьянинъ, отправляясь на поле, несетъ на плечахъ ружье и прицѣпляетъ къ боку

¹⁾ Арх. VI. I. 26.

²⁾ Вотъ приблизительныя данныя о количествѣ мѣщанъ въ южныхъ замкахъ: въ Черкасахъ ок. 190, въ Каневѣ ок. 120 душъ, въ Винницѣ 141 домоу, въ Брацлавѣ—229 чел., въ Житомирѣ—49 человекъ. (Zródła VI. 115, Архивъ VI. I. 25; VII. I. 103, 113, 148).

³⁾ Архивъ V. I. № 4, 6.

⁴⁾ Архивъ VII. I. 95, 121, 602; ср. 610 (Винница): Село пана Аксана Стрыжовка, домовъ 80: хто коня маєть, каждый на службу военную ѣдетъ при пану и безъ пана, при старосте або намѣстнику его.

саблю или тесакъ¹⁾. Впрочемъ и мѣщане, и подданные были неважными, конечно, воинами; Брацлавскіе обыватели просятъ о содержаніи постоянного гарнизона „бо теперь непріятель не боится, нижли скоро люде пеняжныи (регулярный отрядъ) отойдутъ, тогда татарове приходять и шкочу чинять“²⁾.

Вмѣсто гарнизоновъ, которые требовали значительныхъ издержекъ, старосты южныхъ замковъ прибѣгаютъ къ образованію козацкихъ отрядовъ. Въ данную эпоху козаки упоминаются при замкахъ: Кіевскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Винницкомъ и Брацлавскомъ; одни изъ нихъ имѣютъ осѣдлость—земельные участки, дома въ городахъ и несутъ повинности вмѣстѣ съ мѣщанами, другіе—„неоселые“, служатъ въ наймахъ, промышляютъ рыболовствомъ или грабежомъ татаръ. Они дѣлились, какъ видно, на роты, но определенныхъ, регулярныхъ отрядовъ въ данную эпоху не составляли, самое число ихъ въ отдѣльныхъ замкахъ годъ отъ году мѣнялось, „яко которихъ часовъ“; при Черкасскомъ замкѣ при ревизіи ихъ оказалось 250 человекъ. Зависимость ихъ отъ замковыхъ урядниковъ была довольно слаба; грабя татаръ, они причиняли постоянныя хлопоты и старостамъ, и правительству; Брацлавскій староста жалуется, что только регулярныя войска могутъ унять козаковъ³⁾.

Перейдемъ къ артиллеріи; описи 1552-го г. даютъ о ней весьма подробныя свѣдѣнія. Орудія, встрѣчающіяся въ замкахъ, довольно разнообразны; это прежде всего „дѣла“, пушки, обикновенно мѣдныя, утвержденныя на лафетахъ; наибольшая длина—14½ пядей, большинство имѣютъ 7—10 пядей. Наибольшія ядра описываются всего, какъ „побольше гусяного яйца“, есть величиною и въ яйцо голубиное; ядра были желѣзныя, облитыя свинцомъ. Уцѣлѣли еще кое гдѣ и старинныя пушки, стрѣлявшія ядрами каменными, короткія и толстыя, напоминавшія мортиру (напр. въ Луцкѣ); каменныя ядра къ

1) Путевыя записки Эр. Лассоты, пер. Вруна, стр. 15.

2) Архивъ VI. I. 23. Тогда и села могутъ осѣсти, приравляютъ обыватели, и козаки тежъ не смѣли будуть въ землю Турецкую входить и зачепокъ чинити; и теперь бы дей козаковъ помогъ (староста) унять, колы бы люди пеняжныи не мѣшкали.

3) Архивъ VI. I. 82, 89, 95, 105, 112, 604; VI. I. 23. Впрочемъ при Кіевскомъ и Винницкомъ замкахъ въ это время они, повидному, не жили постоянно.

нимъ имѣли до 5-ти пядей въ окружности. Были затѣмъ „серпентины“ или „сарпотины“, (иначе „шмиговницы“), желѣзныя пушки, болѣе длинныя, доходившія до 15 пядей, снабженныя колесами или прикрѣпленныя просто къ деревяннымъ колодкамъ. Рѣже встрѣчаются мортиры (мождеры). Затѣмъ идутъ гаковницы: большія крѣпостныя ружья, „гаркабузы“ и наконецъ „ручницы“.

Количество орудій вообще распредѣлено крайне неравномѣрно. Наиболѣе богатый артиллерію замокъ—Кременецкій: у него 29 орудій, изъ нихъ 22 пушки; „не только Луцко и Володимиръ але и десеть албо двадцать иншихъ замковъ къ тимъ дѣломъ, къ такому великому достатку броннихъ речей зровнятся не могутъ“, заявляетъ Патей¹⁾; его удивленіе очень понятно послѣ Луцка, гдѣ артиллерія находилась въ страшномъ безпорядкѣ, и Владиміра, гдѣ оказалась всего одна пушка, да и та была разорвана. Богатъ артиллерією и Кіевъ—въ немъ 18 пушекъ, 11 серпентиновъ и 82 гаковницы. Остальные замки далеко уступали этимъ двумъ; обычное число пушекъ—4, 5, 6; Житомиръ, подобно Владиміру обладаетъ только одной, и 3 серпентинами, а что касается Чернобыля, всѣ орудія заключались въ 10-ти воеводиныхъ ручницахъ. Впрочемъ числовыя данныя не даютъ еще полнаго представленія о замковой артиллеріи; много было прогорѣлыхъ, кривыхъ, дырявыхъ, совершенно негодныхъ орудій. Орудія того же Кременецкаго замка имѣли настолько ветхіе лафеты и колеса, что ихъ нельзя было передвигать. Въ Винницѣ изъ двухъ орудій у одного „конецъ ворвался, заправено желѣзомъ, а з другого дѣльца небезпечно есть стреляти“ (въ 1552 г. оказалась новая пушка, а дырявая была отослана въ Вильно для переливки). Единственное орудіе Владиміра, какъ я упоминалъ, было разорвано. Но въ особенно плачевномъ состояніи находилась артиллерія Луцка—старинныя орудія едва держались въ лафетахъ, которые частью погнили, частью были растасканы, ковка обломана, къ нѣкоторымъ орудіямъ совсѣмъ не оказалось ядръ. Въ другихъ случаяхъ оказывается мало пороху: при нѣсколькихъ десяткахъ гаковницъ случалось пороху 10—20 ф. и под. Болѣе исправна была артиллерія въ Острѣ, Мозырѣ и замкахъ поднѣпровскихъ.

Обыкновенно орудія, сѣра, свинець приобрѣтались правитель-

¹⁾ Памятн. IV. 2. 217.

ствомъ; ревизоры 1552-го г. развозятъ съ собою по замкамъ гаковниці. Но не всегда однако правительство было аккуратно въ доставкѣ такъ, напримѣръ, въ Житомирѣ орудія испортились во время пожара въ 20-хъ годахъ XVI-го вѣка; въ 1545 г. ревизія находитъ „дѣлцо невеликое“, 2 серпентина неокovanýchъ, третій — совсѣмъ неоправленный, ни ядръ, ни свинцу не оказалось; въ 1552: дѣлце дырявое, 2 серпентина горѣлыхъ, „негожихъ ку стрельбе“, третій — неокovaný и 44 гаковниці; правительство съ ревизорами прислало лишь 12 гаковницъ¹⁾.

Ядра къ орудіямъ отливались на мѣстѣ въ желѣзныхъ и глиняныхъ формахъ; на мѣстѣ изготовляли порохъ, иногда и селитру, такъ что нужно было доставлять лишь сѣру. Порохъ толкли въ толчечкахъ; одинъ толкачъ могъ „убить одъ години до години камень (32 ф.) пороху“; въ Кременцѣ оказалась „ступа коловоротная по нѣмецки о шести толкачахъ, въ которой ступѣ можетъ и одинъ человѣкъ порохъ толчи“. Всѣмъ этимъ занимались пушкарѣ. Они подчасъ въ замкѣ были единственными представителями техническихъ знаній и соединяли въ своихъ рукахъ иногда весьма разнообразныя обязанности и занятія: пушкарь — хорошій стрѣлецъ, онъ же не только чинитъ, но и дѣлаетъ новыя ручниці и гаковниці, занимается кузнечествомъ, приготовляетъ порохъ, селитру, льетъ ядра, иногда „оправуетъ рынвы (трубы) и лотоки“, а въ Кіевѣ одинъ изъ пушкарей былъ и часовщикомъ, „зекгармистромъ“. Благодаря этому, они получали иногда довольно значительное содержаніе: этотъ Кіевскій зекгармистръ получалъ 30 копѣ и 10 локтей сукна лунскаго (ліонскаго) въ годъ; Луцкій пушкарь — 26, Винницкій — 20; другіе получали меньше, отъ 16-ти до 6-ти. Пушкарей бывало обыкновенно немного, по 2—3, иногда по одному, что, конечно, было мало для цѣлаго замка, тѣмъ болѣе, что жители и изъ гаковницъ не всегда умѣли стрѣлять. Между пушкарями находимъ туземцевъ, и нѣмцевъ, ляховъ; Патей замѣчаетъ относительно Брацлавскаго замка: „а ведже и то бы не шлодило, колибы межы тыхъ рускихъ пушкарей оденъ былъ ляхъ, або чехъ, научоний пушкарь для лѣпшого и певнѣйшого справы и стрѣльбы замковое“²⁾.

¹⁾ Арх. VII. I. 137, 142. До пожара, по показанію обывателей, было пушекъ 5 малыхъ и 2 большихъ въ 1½ сажени, «въ которыхъ дѣла робота малые вазечки въ ганки грывали»; по описи 1501 г. здѣсь было 4 пушки великихъ, а пять тараницъ. Арх. VI. I. № 2.

²⁾ Архивъ VI. I. 22.

Остается сказать о продовольственныхъ запасахъ—„наспижовальѣ“. Замковое продовольствіе въ в. княжествѣ доставлялось обыкновенно государственными волостями—къ каждому замку ихъ бывало приписано по одной, по двѣ, и замковыми „дворцами“ (хуторами), мельницами, пашнями и проч. ¹⁾. Въ западныхъ, волынскихъ повѣтахъ большинство сель находилось уже во владѣніи землянъ: въ Луцкомъ и Владимірскомъ повѣтахъ люстраторъ насчитываетъ розданныхъ: двѣ волости, 105 сель, 6 замковъ; однако при замкахъ остаются еще значительныя имѣнія: при Владимірскомъ—Смиденская волость, заключающая около 100 дворовъ (сильно впрочемъ страдавшихъ отъ захватовъ сосѣдняго Ковельскаго старосты), при Луцкомъ—ок. 90 дворищъ (26 сель), при Кременецкомъ—18 сель и хуторъ. 224 чел. Крестьяне эти возятъ лѣсъ на замокъ, строятъ службы, отбываютъ по нѣскольку дней полевой работы въ замковыхъ хуторахъ и пашняхъ или платятъ дань продуктами или деньгами ²⁾. Этими припасами содержались замковые урядники и слуги, но Луцкій напр. староста заявилъ, что доставляемыхъ припасовъ хватаетъ лишь на это, а на „наспижованье“ не остается ничего.

Въ юго-восточныхъ, мало населенныхъ повѣтахъ замковыхъ сель или не было, или было очень мало; при томъ населеніе ихъ несло часто разнаго рода постороннія повинности—служило военную службу, отбывало сторожу, доставляло подводы, строило разныя хозяйственныя службы замковыя и пр., полевая работа и данн встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ ³⁾.

1) Такъ въ грамотѣ на староста Метиславское и Радомльское: «половина пашни со всѣхъ дворовъ и фолварковъ нашихъ ему и слугамъ его на пожитокъ въ каждый годъ; а другая половина пашни со всѣхъ дворовъ маеть хована быти на спижованье тыхъ замковъ нашихъ». Акты З. Р. II. № 167 (1529).

2) Памятк. IV. 2. 33, 187, 222.

3) Такъ въ Винницкомъ повѣтѣ было въ 1545 г. 3 села замковыхъ, изъ нихъ къ замку «тягнуло» одно Мезяково (70 чел.); жители его строятъ кромя городень замковыхъ еще «гридню, кухню, лазню, пекарню, холодинкы», одинъ день косятъ и гребутъ сѣно, даютъ всего 1½ копы грошей и «коли потреба вкажетъ, повинни при старостѣ на службу ѣздити» (Zród. dz. VI. 114); къ Кіевскому замку принадлежатъ 10 сель съ столь же разнообразными повинностями, къ Остерскому—6; въ Брацлавскомъ повѣтѣ «вси селища и пожитки за земаны и мѣщаны и козаки суть», не упоминается замковыхъ имѣній и въ повѣтахъ Житомирскомъ, Черкаскомъ, Капеевскомъ. Но и эти малочисленныя замковыя села правительство не берегло; такъ изъ помянутыхъ 6-ти сель Остерскаго замка въ XVII в. уже при замкѣ не оказывается ни одного, всѣ розданы дворянству (двѣстр. 1628—Арх. VII. I. 342).

Замковые хутора—„дворцы“ существовали во многихъ (западныхъ) повѣтахъ; на нихъ жило иногда по нѣскольку душъ крестьянъ или „челяди невольной“ т. е. рабовъ, для полевыхъ работъ были приписаны къ нимъ замковыя села ¹⁾. Еще чаще встрѣчаются замковыя мельницы, иногда по нѣскольку; поступавшія съ нихъ „змѣрки“ давали иногда значительное количество хлѣба: такъ Луцкій млинъ давалъ 60 мадъ (240 корцевъ) „всякого збожа“; съ 3-хъ Винницкихъ мельницъ приходило старостѣ „на выхованье почту (отряда) его зъ потребу“ ²⁾.

Въ поднѣпровскіе замки припасы доставляло правительство изъ сѣверныхъ волостей ³⁾; въ этихъ замкахъ люстраторы и нашли нѣкоторые запасы (жито, крупу, солонину), впрочемъ значительные оказались только въ Кіевѣ: 204 солянки (612 четв.) жита, въ другихъ—по нѣскольку десятковъ солянокъ, а въ Каневѣ всего 16 бочель крупы; часть запасовъ иногда оказывалась розданною старостами частнымъ лицамъ. Въ другихъ замкахъ провіанту не оказалось совсѣмъ, „ни зернеты“, а староста Владимірскій заявляетъ, что и „передъ тымъ николи того въ обычаи не бывало, абы тутъ которое наспижованіе мило быти и того тежъ не памѣтамы, отколь то приходило“. Натуральныя дани перекладывались на деньги и повидимому обращались просто въ доходъ старосты.

Таковы въ общихъ чертахъ данныя о состояніи южно-русскихъ повѣтовыхъ замковъ въ половинѣ XVI-го в. ⁴⁾. Большинство ихъ, при

¹⁾ Въ Луцкомъ хуторѣ Гнидава оказалось 195 копъ жита, на Овручскомъ—200 солянокъ (600 четв.) зерна и 200 возовъ сѣна. Архивъ IV. I. 39 и VII. I. 171. Хутора были еще въ Кременцѣ, Владимірѣ, Мозырѣ, прежде и въ Житомирѣ. (Опись 1501-го г. Арх. VI. I. № 2).

²⁾ Архивъ VII. I. 147, 173, 603.

³⁾ Припроважено жито тое з Бобруйска недавно зъ дворяниномъ Выйштейтравкомъ Арх. VII. I. 80 (Черкасы). Въ 1538 г. (Акты Зап. Р. II. № 191) в. князь, узнавъ, что «спижовъ и тежъ живпостей на замкахъ украинныхъ пикоторыхъ вѣтъ» запрашиваетъ Раду, что будетъ удобѣе: отправить ли «спижы» съ дворовъ господарскихъ или продать и на выручку купить припасовъ на мѣстѣ?

⁴⁾ Не безинтересно сравнить современные частныя замки; вотъ напр. «замочокъ» Буремльскій (Луцкаго повѣта): онъ деревянный, снабженъ мостомъ «цалымъ, шпрокимъ», замчестыми воротами, у воротъ свѣтлячка съ вышкой, двѣ башни, «кгонтомъ побиты» (внизу «стайнъ», сверху коморы), къ стѣнамъ пристроены «городни добрые, драницами побиты», два дома въ нѣсколько комнатъ, съ вышкамя, коморы и службъ, все это «зъ защепны, зъ железными за-

незначительныхъ, часто запущенныхъ укрѣпленійхъ, скудныхъ средствахъ обороны, отсутствіи запасовъ, воды, конечно, не могли выдержать сколько нибудь серьезнаго нападенія; не разъ встрѣчаются извѣстія о разореніи замковъ татарами. Къ счастью, такія нападенія были сравнительно рѣдки, въ большинствѣ случаевъ татары оставляли въ покоѣ замки, населеніе отсиживалось въ нихъ, предоставляя татарамъ рыскать по странѣ,—немногочисленные отряды драбовъ и служебниковъ замковыхъ, мѣщанъ и дворянъ, гдѣ они были, не были въ состояніи дать серьезный отпоръ вторженію. Но и подобное приобѣжище замковъ, какъ указано, могъ представить лишь небольшому количеству окрестныхъ жителей. Я приводилъ заявленія ревизіи, что, напримѣръ, замки Винницкій и Брацлавскій слишкомъ малы для населенія; послѣднее, слѣдовательно, селилось на свой страхъ, не имѣя возможности разсчитывать на замокъ, колонизація начинала совершаться помимо замковъ. Это же населеніе, въ большомъ числѣ устремившееся въ степи къ концу XVI-го в. подъ вліяніемъ новыхъ, стѣснительныхъ условій польскаго режима, своею массою преградило путь татарскимъ вторженіямъ и обезопасило страну гораздо лучше, чѣмъ то дѣлали старыя господарскіе замки.

веси». Посрединѣ церковь св. Троицы, «побитая кочками, двинторъ». Оружіе составляютъ: пушка, мортира, гаковницы и ружья (Арх. VII. I. № 29). Другой подобный частный замокъ—Юблинскій (Гайна Моптовъ О. Левичаго. К. Стар. 1888. I—III. с. 95) обладаетъ 4 пушками, 20 гаковницами, 52 ручницами; припасы состоятъ изъ 2 бочекъ пороху и 5 бочекъ пуль и пр. Главное преимущество замковъ повѣтовыхъ предъ подобными частными заключалось въ замковыхъ и земскихъ контингентахъ, которые группировались около первыхъ; сравнивая укрѣпленія, вооруженіе окраинныхъ замковъ, не найдемъ большей разницы, притомъ частныя замки имѣли шансы сохраняться гораздо исправнѣ (вспомнимъ замокъ Винницкій 1545-го г., «вельми малый», гнилой, съ его 2 испорченными пушками, 26 гаковницами («а ручницъ ни одное не машъ»), причежъ «пороху готового» оказалось всего «якобы камень (32 ф.), куль дѣльныхъ каменныхъ, железомъ обливаныхъ девятнадцать, а гаковничныхъ куль сорокъ». (Zród. dz. VI. 112). Понятно, что земляки «заробивъ» свой частный замокъ, затѣмъ мало заботились о томъ, въ какомъ состояніи находится «головный господарскій замокъ» повѣта.

